

Въ главѣ «Абсолютный индивидуализмъ» онъ стремится показать, что Христіанство, какъ проповѣдь одиночества, въ существѣ своемъ противорѣчитъ соціальной природѣ человѣка (почему христіанинъ въ вѣчной борьбѣ, въ вѣчной агоніи) и что на смѣну христіанской германо-романской цивилизаціи черезъ посредство большевистской Россіи должна придти новая цивилизація — восточная, азіатская, буддійская, первымъ провозвѣстникомъ которой былъ Достоевскій — «отчаявшійся христіанинъ, христіанинъ въ агоніи». Всѣ эти мысли находятъ себѣ примѣненіе въ двухъ послѣднихъ главахъ: «Вѣра Паскаля», (написанной подъ сильнымъ вліяніемъ Л. Шестова, мысли котораго впрочемъ разбросаны по всей книгѣ) и «Отецъ Гіацинтъ» — разсматривающей съ этой точки зрѣнія дневники этого священника,*) ушедшаго изъ католичества и попытавшагося своими силами осуществить новое нецерковное Христіанство.

Наконецъ, въ «Заключеніи» онъ подводитъ итогъ своей книгѣ. Глубокое отвращеніе отъ современной жизни, отъ современныхъ мыслей; полная духовная тьма и безнадежность. Рѣзкое противоположеніе Христіанства всему живущему.

Все это въ качествѣ опыта дѣйствительности (тотъ же «кризисъ культуры», «гибель Запада») могло бы быть залогомъ поворота къ положительной религіи, если бы поза отчаянія, слова «нашъ Христосъ, нашъ Христосъ, почему Ты оставилъ насъ» (которыми кончается книга) не являлись бы предметами проповѣди и не изображались бы какъ подлинное и истинное Христіанство, долженствующее замѣнить положительную Церковь. Но и психологическое и имманентистское содержаніе и взвинченно пророческій стиль этой книги свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ считаетъ единственно правильнымъ, состояніе духовной слабости и религіозной неопредѣленности. Онъ любитъ своей грустью.

Л. Зандеръ.

*) A. Houtin: Le P. Hyacinthe dans l'Eglise romaine; le P. Hyacinthe réformateur catholique; le P. Hyacinthe prêtre solitaire. P. Hyacinthe Loyson. Journal intime.

Съ прошлаго года Мюнхенское издательство R. Piper приступило къ изданію недавно открытаго архива Ф. М. Достоевскаго. Матеріалы послѣдняго составились изъ разныхъ источниковъ: первымъ долгомъ сюда относятся воспоминанія, дневники и иныя рукописи А. Г. Достоевской, переданные ею еще при жизни въ Московскій Историческій Музей; далѣе, при конфискаціи сейфовъ въ частныхъ банкахъ въ Москвѣ, былъ найденъ ящикъ, содержащій 23 тетради записныхъ книжекъ, замѣтокъ и т. п., принадлежавшихъ частью Ф. М. частью А. Г. Далѣе: въ Севастополѣ мѣстной ченой былъ реквизированъ у сына Ф. М., Феодора Феодоровича (недавно умершаго), ящикъ съ документами, вытребованный впоследствии комиссаромъ народнаго просвѣщенія Луначарскимъ и переданный имъ въ Центроархивъ; наконецъ — многочисленныя письма, воспоминанія и дневники, собранные библиографами и учеными. Весь этотъ матерьялъ былъ сосредоточенъ въ Центроархивѣ и поступилъ въ ученую обработку — проф. Сакулина, Бродскаго, Гливенко, Гроссмана, Комаровича.

Изъ ихъ работы было издано немного: Исповѣдь Ставрогина (изд. Центроархива 1922, переизданное въ Мюнхенѣ 1922), Дневникъ А. Г. Достоевской (изд. Центроархива 1924 г.), отдѣльные отрывки въ сборникахъ подъ редакціей Долтнина (изд. Мысль 1923) и Гроссмана (Госуд. Издат. 1923 г.) и рядъ писемъ — въ Красномъ Архивѣ (1924-1925). А затѣмъ весь архивъ со всеми учеными комментаріями названныхъ авторовъ былъ проданъ совѣтскими властями Мюнхенской фирмѣ, которая уже зарекомендовала себя прекраснымъ изданіемъ полнаго собранія сочиненій Достоевскаго и отдѣльными иллюстрированными изданіями Двойника и Записокъ изъ Подполья. Такимъ образомъ архивъ Достоевскаго выходитъ сначала на нѣмецкомъ языкѣ и только послѣ выхода всего изданія (16 томовъ въ теченіе 4 лѣтъ) будетъ опубликованъ по русски. Изданіе Piper'a — какъ въ смыслѣ техническомъ, такъ и въ отношеніи литературной разработки, не оставляетъ желать ничего лучшаго; оно безусловно сумѣетъ сохранить намъ Достоевскаго для будущаго. Пока вышло четыре тома: Дневникъ А. Г.; Воспоминанія А. Г.; Документы, относящіяся къ игорной страсти Ф. М. и неосуществленные планы романовъ. Дальнѣй-

шее обѣщаетъ быть еще болѣе интереснымъ: рядъ повѣстей и романовъ, самыя названія коихъ были до сихъ поръ неизвѣстны («Зависть», «Убійство», «Романъ писателя», «Уродъ», «Въ поискахъ», «Смерть поэта», «Шутъ», «Весенняя любовь», «Императоръ») множество неопубликованныхъ до сихъ поръ писемъ, 500 пословицъ, слышанныхъ Ѡ. М. на каторгѣ, его мысли и афоризмы о бракѣ, о безсмертіи) и т. п.

Остается только пожелать скорѣйшаго изданія этого безцѣннаго архива по русски — дабы онъ могъ стать достояніемъ болѣе широкаго круга людей — невозможнымъ сейчасъ какъ вслѣдствіе иностраннаго перевода текста, такъ и высокой нѣмецкой валютой, дѣлающей эти книги мало доступными для русскаго читателя.

Л. Зандеръ.